

НОВЫЕ МИФОЛОГЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ: СИМУЛЯКРЫ (К ПРОБЛЕМЕ ДЕСТРУКЦИИ БИНАРИЗМА)

В статье рассматривается феномен симуляций и симулякров. Показывается (на конкретных примерах), что эти мифологемы сознания человека пронизывают самые разнообразные сферы его деятельности: искусство, науку, политику, экономику и др. Осмысливая симуляции и симулякры в аспекте бинаризма, автор выделяет основной прием создания симулякров: деформация и деструкция бинарных оппозиций.

Ключевые слова: симуляции, симулякры, бинарные оппозиции, деформация оппозиций, деструкция оппозиций.

Современный мир – это мир симулякров. Человек в нем не переживает Бога.

Ж. Делёз

В преддверии XX в. Ф. Ницше заявил: «Не прячьте голову в песок вечных ценностей». Как представляется, эти слова очень точно соответствуют мировоззренческим и эстетическим установкам культуры и искусства XX в., а особенно – авангардизму и постмодернизму, ориентированных, если перефразировать Ф. Ницше, на создание «преходящих ложностей», т. е. мнимостей. Не случайно многие выдающиеся мыслители и ученые оценивали состояние культуры XX в. (начиная уже с начала века) как кризис (О. Шпенглер, П. Сорокин), агонию и умирание искусства (В. Вейдле), апокалипсис художественной культуры (В. Бычков), в более мягких выражениях – метаморфозы и коллизии культуры. В психоаналитическом же осмыслении современная культура получает статус невротической и психотической (В. Руднев).

Пытаясь осмыслить кризис культуры XX в., а значит, и кризис системы жизненных ценностей человека, неизбежным образом сталкиваешься с проблемой бинаризма. Во-первых, с фактом критики бинарной логики и отказом от «онтологии» бинаризма постмодернистской философией (а бинар-

ность, напомним, является универсальным свойством сознания и мышления человека). Во-вторых, в сфере культуры и искусства сталкиваешься с процессом деформации бинарных оппозиций, которые, как известно, являлись конструктивной основой антропоцентрической художественной культуры. И в-третьих, как следствие, с разрушением художественного образа и его смысла путем снятия ее генеральной антиномии «образ – прообраз (Первообраз)», что во многом обусловлено, и это важно подчеркнуть, отказом художников от главной эстетической идеи – принципа мимисеса (подражания).

И если ранее (уже в античной культуре) художественный образ в узнаваемой форме выражал материально-чувственную реальность (метафора – «зеркало»), а в религиозном искусстве, воплощая в символической форме духовную реальность, указывал на Первообраз (икона – «окно в мир Горний»), то, начиная с творчества авангардистов, а далее – и в практике постмодернизма, в искусстве начинают формироваться новые антимиметические смыслы. С их помощью создается так называемая «Новая художест-

венная реальность» (Е. Б. Витель), своего рода «королевство кривых зеркал», претендующее на статус духовной реальности¹, правильнее сказать – парадуховной, поскольку она (Новая реальность) являет собой результат фантазмов сознания художника², а значит, тяготеет к феномену симулякров.

Ведь что такое симулякр? В современном значении (не в платоновском³) слово «симулякр» (от лат. *simulo* – делать вид, притворяться) определяется в качестве точной копии,

подобие	фантазмы	фальшивое	притворяться	манекен	имидж
видимость	блеф	неистинное	прикидываться	муляж	личина
подделка	иллюзия	ложное	подлог	грим	маска
обман	мираж	мнимое	фикция	камуфляж	
химера					

Главным же в этом разнообразии интерпретаций *симулякра* (а единого его определения не существует), а также в столь длинном ряду синонимичных ему слов видится то, что слово «симулякр», являясь ключевым понятием в философии постмодернизма, «зарегистрировало» собой новые мифологемы современного сознания, которые обрели «экологическую нишу» в самых разнообразных сферах человеческой деятельности.

¹ Духовное понимается творцами Новой художественной реальности не в религиозном смысле и не столько в светском, а получает весьма расширительный (размытый?) смысл, при котором понятие *духовного* связывается со сферой «невещественного», ментального, психического и бессознательного. Но при этом оно (духовное) всегда окрашивается авторским (индивидуализированным) толкованием, зачастую преломляясь сквозь призму теософско-окультистских идей. Так, А. Шенбергом духовное понимается как «чистое искусство», «очищенное» от внешнего, т. е. реального жизненного содержания по принципу «немимесиса». У К. Малевича духовное отождествляется с логически-ментальными конструкциями, выраженными в форме геометрических фигур.

² Характерный тому пример – наделение духовным смыслом точек и линий на плоскости В. Кандинским (абстрактная живопись).

³ У Платона словом «симулякр» обозначались «копии копий», т. е. копии «мира теней», являющегося отражением мира идей (эйдосов). В адаптированном к современному миропредставлению варианте это означает следующее: любое *изображение* предметов и явлений реального мира (картина, рисунок, рассказ и т. п.) является симулякром, т. е. неистинным.

оригинал которой никогда не существовал (по Ф. Джеймисону); или как репрезентация чего-то, что на самом деле не существует (по Ж. Бодрийару); знак, который отрицает и оригинал, и копию (по Ж. Делёзу); а также как «муляж, эрзац действительности, чистая телестность, правдоподобное подобие, пустая форма» [Маньковская, 2000. С. 57].

Со смысловым значением слова «симулякр» сопряжен целый ряд других слов и понятий (а также приставки «псевдо-» и «квази-»):

В сфере искусства первыми провозвестниками симулякров можно назвать «Дыр бул щил...» – «заумь» Алексея Крученых, «Поэму» Василиска Гнедова со словом «шиш» на чистом листе, которая, по образному выражению П. Флоренского, «подобно бесовскому золоту при свете дня оказывается только калом» [Флоренский, 2009. С. 182]. Назовем также «Унитаз» («Фонтан») Дюшана, купленный им в магазине сантехники по дороге на выставку и выставленный там в качестве произведения искусства (с личным автографом художника). Укажем и на «Черный квадрат» А. Малевича, и на пьесу Дж. Кейджа «4.33», в которой присутствует полное отсутствие музыки.

Названные произведения, как и многие другие, им подобные, родившиеся в первой половине XX в. в результате авангардистских экспериментов в искусстве и над искусством, – своего рода «дырки от бубликов» в плане смыслового содержания, засвидетельствовали собой разрушение смыслообразующих оснований классической (антропоцентрической) культуры, сопряженное и со сменой формообразующих ее принципов. Подобные радикальные эксперименты, заметим – в высшей степени характерные для раннего авангардизма, осуществлялись их авторами во имя создания нового, принципиально *иного* искусства.

Однако более интересным здесь представляется то, что подобные сочинения,

а в особенности два последних («Черный квадрат» и «4. 33»), провоцируют многих исследователей (и самих авторов тоже) наделять их (видимо, по принципу «природа пустоты не терпит» или же в силу инерции художественного восприятия, ориентированного на извлечение смыслов изнутри самого произведения) глубинными, философскими и символическими смыслами, причем вполне «классического» характера. Что делает эти артефакты наиболее полиинтерпретативными произведениями XX в.? Кстати сказать, как создаются симулякры, просто и понятно объяснил детям Г. Х. Андерсен в «Сказке о голом короле».

Общее, что объединяет названные сочинения – это замена художественных образов, выражающих живой мир природы и человека (образов «классического» типа), на новый тип образности, систему условных знаков и символов; разрушение антиномичности художественного смысла – закона искусства (по выражению В. Н. Холоповой) и бинарной структуры художественного образа; а вместе с ними – и упразднение катарсиса, «аффективного противоречия» как закона эстетической реакции, обоснованного в работах по психологии Л. С. Выготским. Заметим, отсутствие такового (катарсиса), как правило, компенсируется эффектами провокации и эпатажа (на уровне смысла, формы, а также способов преподнесения идеи), скорее помутняющих сознание, нежели его просветляющих (хотя нельзя исключать и обратное).

Рассмотрим в бинарном ключе пьесу «4.33» Дж. Кейджа. В этом музыкальном сочинении, казалось бы, есть все: название, партитура (правда, это чистые листы с надписью *taked* – «молчит»), предусмотрены и различные варианты состава инструментов для ее исполнения. Однако, помимо внешней атрибутики («рамки»), в «4.33» нет главного – музыки, ее интонационного эйдоса и внутреннего художественного смысла. Волею композитора он замещается философским концептом в духе дзен-буддизма: «Все, что нас окружает – музыка» (созвучного другому афоризму и авторскому кредо Дж. Кейджа: «Музыку сфер можно услышать и в шипении шарящейся яичницы»). Не случайно Дж. Кейдж считается предвестником концептуального искусства.

Таким образом, в пьесе «4.33» Дж. Кейджа можно наблюдать деформацию оппози-

ции «текст и контекст», «внешнее и внутреннее значение», в результате которой на первый план выходит внешнее, контекстуальное значение. Если рассматривать произведение в широком культурно-историческом контексте, то это значение можно обозначить как протест против всех музыкальных традиций и репрезентацию идеологии новой американской экспериментальной музыки. Акцентируем внимание, что сама репрезентация осуществляется в форме акции, перформанса, придавая пьесе «4.33» знаковый характер и делая ее «знаком» (что, кстати, согласуется с различными искусствоведческими интерпретациями *внутреннего* смысла пьесы), а в потенции – симулякром, т. е. «означаемым» без «означаемого».

Обратим внимание на то, что, вопреки заложенному автором в это произведение «глубокомысленному» философскому концепту, практика концертного исполнения пьесы (например, в телевизионной трансляции концерта⁴) воспринимается и публикой, и исполнителями как шоу, забава, театрализованное представление. А театрализация жизни, как известно, является характерной чертой постмодернистской культуры, ее симптомом, и, что важно отметить, имеет симуляционную природу. Сегодня театрализации подвержены не только ТВ-передачи по типу «Час суда», «Дом-2» (из прошлых передач – «Окна» с Д. Нагиевым), но и события политической, общественной и даже религиозной жизни. В этом нетрудно убедиться, просмотрев любые новостные передачи.

В современной культуре феномен симулякров и симуляции, пронизывая все сферы (формы) общественного сознания, включает в себя широчайший класс объектов и явлений: слова, образы, вещи, события и пр. Назовем простейшие примеры симулякров. Это функционально-бытовые: чучело, муляж, камуфляж, манекен, маска, наживка на крючок для рыбаков, имитирующая рыбку, подсадная утка для охотников и пр. В сфере военного искусства в симуляционных целях используются надувные танки и надувные ракетные установки для отвлечения противника на ложные цели. В сфере экономики симулякрами выступают финансовые пира-

⁴ См.: Канал platoslug. URL: <http://rutube.ru/tracks/1235400.html?v=05131f35410c619c00160910ccf44f4b>.

миды, фальшивые деньги, финансовые пузыри (надувающиеся и сдувающиеся).

По принципу эстетической симуляции развивается индустрия красоты, предлагающая широчайший спектр услуг: инъекции ботокса, силиконовые имплантанты, накладные резницы и ногти, наращивание волос (своих, чужих) и т. п. Не отстает от нее и промышленность, использующая ароматизаторы, идентичные натуральным, имитаторы вкуса, «освежители» протухшего мяса, а также выпускающая кофе без кофеина, пиво без алкоголя, синтетическую красную икру, говядину из соевого «мяса» и прочие «как бы» натуральные продукты, создаваемые с помощью достижений химической науки.

Любопытно заметить, что некоторые из названных симулякров в буквальном смысле создаются методом надувания и с целью надувательства, порождая при этом различные психологические эффекты (самовнушения, самообмана, стереотипизации поведения и переживаний и пр.).

Существуют слова и термины-симулякры, по образному выражению С. Н. Булгакова, «слова-манекены». Так, с позиции психолингвистики слово «бомж» своим «неодушевленным» характером и формально-аббревиатурным звучанием нейтрализует одушевленное значение исконных русских слов «бродяга», «бездомный», взывающих к состраданию и милосердию. С помощью языковой игры и эвфемизмов⁵ создаются и «словесные оборотни», когда производится замена отрицательной семантики слов (фраз) на нейтральную и даже положительную с целью маскировки истинного смысла явления. В качестве примеров назовем такие известные политические «фразеологизмы»: военные действия во Вьетнаме – «Программа умиротворения», концлагерь – «стратегическое селение», убийство человека – «физическое устранение», бомбардировки Югославии (1999 г.) – «гуманитарная интервенция», война в Грузии – «операция по принуждению к миру». В приведенных

⁵ Эвфемизм (от греч. *euphemia* – произнесение слов, имеющих хорошее предзнаменование, воздержание от неподобающих слов); «замещение грубого, запретного, неприличного или излишне резкого выражения более мягким, этически более приемлемым» [Борев, 2003. С. 535].

примерах⁶ явно наблюдается деструкция бинарной оппозиции «война – мир» путем взаимозаменяемости ее членов, что приводит к «снятию», упразднению этой оппозиции.

Благоприятной средой обитания для массовых форм симулякров является сфера массовой культуры. Укажем лишь на один из массовых симулякров – «американскую улыбку». На примере этой маски – одной из формы массовой культуры и формы массового симулякра, удобно показать деформацию дихотомии «форма и содержание» путем слияния и аннигиляции ее компонентов с последующей имплозией смысла: форма есть – содержание отсутствует. К счастью, русский человек улыбается (по крайней мере, пока), как верно заметил режиссер В. Соловьев, только если ему хорошо и радостно на душе.

Море симулякров создается в сфере рекламной индустрии, которая, как известно, «конструирует образ “мифологизированной новинки”, за которой не стоит никакая реальность, кроме как желание фирмы “сбыть” массам свой товар» [Голубева, 2001. С. 103].

Остановим внимание на одном из самых известных в России видеороликов из серии «Имидж – ничто!», рекламирующем напиток «Спрайт». В этом бесспорно талантливым видеоклипе, созданном режиссером Т. Бекмамбетовым, примечателен следующий текст: «На самом деле, она не настоящая блондинка, у нее не голубые глаза – это линзы. У нее не настоящая грудь – это силикон. А он вообще не интересуется девушками – у него есть друг. И одежда у них неудобная... Настоящая правда здесь только в том, что им очень хочется пить. Ну очень. И еще то, что это реклама “Спрайта”. Имидж – ничто, жажда – все! Не дай себе засохнуть!»

Текст этой рекламы, как и ее видеоряд, в аспекте восприятия можно было бы определить как «саморазоблачение» симулякров (и это, отчасти, верно), если бы под сорванной маской (слоган «имидж – ничто») не обнаруживалась еще одна маска-симулякр – «жажда – всё».

Следует сказать, что современную рекламу, а также многочисленные арт-практики

⁶ Некоторые примеры заимствованы из книги С. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [2007].

и арт-композиции можно рассматривать и как формы презентации симулякров. Среди других форм презентации назовем такие явления современной культуры, как гламур, брэнд, топ-модели, поп-звезды, фонограммы в исполнительской практике поп-звезд (хорошо, что еще не в академической музыке). Кстати сказать, в повсеместно распространенной практике использования фонограммы во время концертов озадачивает тот факт, что она (эта практика) воспринимается современным человеком не как обман и подделка (трюк и подлог), а в положительном аксиологическом значении: как результат технического совершенства, а значит – и художественного качества.

Фабриками по производству симулякров выступают также искусство постмодернизма с его арт-практиками от арт-мейкеров (постаревшему – «художники»), политехнологии и средства массовой информации. Работая в тесном содружестве и привлекая достижения технических и гуманитарных наук, эти сферы продуцируют симулякры уже в промышленном масштабе, причем, главным образом, с целью манипулирования массовым сознанием. Так, с их помощью в сознание людей умело внедряются идеологические псевдоценности, пересекающиеся в своей кривизне смысла с принципом цветовой дифференциации штанов из фильма «Кин-дза-дза» режиссера Г. Данелия⁷, а также создаются псевдохаризмы и лозунги-симулякры. Среди многих исторических фактов и примеров укажем на образ «миролюбивого фюрера» и его обращение к немецкому народу, зафиксированные в документальном фильме Л. Рифеншталь «Триумф воли». Приведем такую цитату из речи вождя немецкого народа: «Мы хотим, чтобы наш народ стал дисциплинированным. И мы должны соответствовать этому требованию. Мы хотим, чтобы наш народ стал *миролюбивым* и одновременно – отважным. И мы должны воспитывать в себе *миролюбие*» (курсив наш. – Е. Г.). Как показала история, эти лозунги-призывы на деле оказались фикцией⁸.

Созданием симулякров занимается и социальная инженерия, психология, психоте-

рапия, имидж-технологии. В этом творческом процессе прием деформации бинарных оппозиций, например, таких как «образ – имидж» (по-русски, «личина»), «быть – казаться», оказывается весьма востребован. Так, по методу замещения образа модифицируется не только внешний облик человека, но и вытесняется (по «методу французских духов») экзистенциальный вакуум, в котором оказывается человек, пребывающий, по выражению Хайдеггера, в ситуации «нетости Бога»⁹.

Не случайно для современного человека оказываются притягательными многочисленные методики, психотренинги, курсы НЛП и пр., обещающие научить его «как стать сверхчеловеком», открыть в себе божественное, властвовать над людьми и даже манипулировать собой. В программных установках некоторых курсов между строк, а то и явно и неприкрыто, звучит завораживающее сознание приглашение (цитируем Р. Бендлера): «Там целый мир, с которым можно играть, и он ждет вас» (из одной рекламы).

Совершенно очевидно, что спрос на подобного рода предложения свидетельствует о серьезных изменениях в ценностных и мировоззренческих ориентациях человека. Хотя вполне понятно, что использование психотехник и методик в определенных сферах и с определенными целями является целесообразным и оправданным. Например, в системе военной подготовки бойцов (в частности, у А. А. Кадочникова), в сфере спорта, медицины, педагогики.

Осмысливая мифоконструирование иллюзорной реальности (симуляции) и охотное в ней пребывание (равно как и потребление симулякров) в духовно-экзистенциальном измерении, эти явления можно интерпретировать как своего рода «бегство от реальности» (неприемлемой, неблагоприятной, дискомфортной, травмирующей и т. п.), реальности, неотъемлемыми спутниками которой являются экзистенциальные тревога и страх [Леонтьев, 2003]¹⁰.

Высвечивая феномен «бегства от реальности» под углом зрения психологии, его можно определить как одну из форм эскапизма¹¹ (думается, сюда можно причислить и «бегство от свободы», описанное

⁷ Знаменитая фраза из этого фильма-шедевра звучит так: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели!»

⁸ Из других подобного рода примеров вспоминаются лозунги французской революции «Свобода! Равенство! Братство!», лозунги большевистской революции 1917 г. «Хлеб – народу!», «Земля – крестьянам!»

⁹ Слова Хайдеггера вызывают в памяти одно остроумное замечание З. Фрейда: «Психоанализ работает там, где нет Бога».

¹⁰ См. также: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_leond03.htm.

¹¹ Эскапизм (от англ. *escape* – бежать, спастись).

Э. Фроммом), выступающего своеобразным механизмом психологической защиты человека, одним из способов вытеснения экзистенциальной тревоги (с целью гармонизировать свое бытие в мире). В связи со сказанным небезынтересным будет заметить, что Д. А. Леонтьев в качестве инструмента вытеснения экзистенциальной тревоги рассматривает массовую и поп-культуры [2003]. А ведь именно эти сферы, как было показано выше, являются благоприятной средой для обитания симулякров.

Однако следует иметь в виду, что «бегство от реальности» в иллюзорный мир, населенный квазисмыслами и квазиценностями (и даже квазипереживаниями, например в виртуальной реальности), может оказаться чреватым утратой человеком не только чувства реальности, но и самой реальности (как при неврозе и психозе¹²), а также деонтологизацией его личности и, как следствие этого, усугублением экзистенциальной тревоги, выражающейся в ощущении внутренней пустоты, покинутости, богооставленности (в христианском объяснении). Такие духовные состояния оказались столь характерными для культуры XX в. и столь значимыми в жизни человека, что были не только диагностированы искусством (уже в начале XX в.) – этим чутким «барометром» духовной жизни (например, в актуализации темы небытия: смерти, одиночества, бессмысленности, абсурдности и т. д.), но и отрефлексированы философией, породив к концу XX в. такие ее разделы, как «нигиология» (учение о небытии) и «нигиология культуры».

Рассматривая феномен симулякров в ракурсе бинаризма, обратим внимание на то, что некоторые из приведенных в статье примеров симулякров порождаются вследствие деформации бинарных оппозиций, но при этом оказываются, так сказать, случайным результатом этого процесса (пьеса «4.33» Дж. Кейджа, симуляция улыбки на американский манер). Однако симулякры могут создаваться и вполне осознанным образом. В этом случае деструкция бинарных оппозиций автономизируется как цель и как эффективный прием создания симулякров (симуляция миролюбия в политических «фразеологизмах», имидж-симуляции¹³).

Приведем перечень ценностно-смысловых оппозиций, актуальных для сегодняшнего дня и подвергающихся процессу деформации и деструкции с помощью использования различных методов (форсирования одного из полюсов оппозиции, их разрыва, слияния, замещения, вытеснения, взаимозаменяемости): земное – возвышенное, преходящее (сиюминутное) – вечное, профанное – сакральное, относительное – абсолютное, вседозволенность – свобода, чувственное – духовное, гедонизм – аскетизм, виртуальное – реальное, имидж – образ, казаться – быть, массовое – индивидуальное, часть – целое, и др.

Возникает вопрос для размышления: не прорисовывается ли в русле наблюдаемых процессов деструкции бинарных оппозиций тенденция к формированию «одномерного» и лишнего противоречия мышления?¹⁴

И еще один вопрос, связанный с предыдущим: не является ли симптоматичным появление одного исследования (оно было опубликовано совсем недавно), в котором образ Спасителя получает интерпретацию величайшего лидера-стратега, а апостолы Павел, Иоаким и Иоанн называются топ-менеджерами. И, что логически следует из такой интерпретации, «поведенческие схемы» Иисуса Христа признаются чрезвычайно полезными и актуальными для любого современного лидера. Можно предположить, что столь оригинальные (спекулятивно-прикладного характера) толкования смысла евангельского повествования порождены либо «снятием» дихотомичности современного мышления¹⁵, либо в результате

¹² См. статью З. Фрейда «Утрата реальности при неврозе и психозе» [1997. С. 538–543].

¹³ Однако это не означает использование терминологии данной статьи.

¹⁴ Справедливо будет указать, что наряду с бинарным мышлением существуют и иные мыслительные практики, а также различные формы и виды мышления. Однако, в отличие от бинаризма, они не обладают столь универсальным характером, всегда специфичны (особенно в сфере искусства), а часто – генетически с ним связаны. Как на альтернативу бинаризму можно было бы указать на ризому (модель мышления, развития мира, тип культуры и стиля в искусстве), разрабатываемую постмодернистской философией (Ф. Гваттари и Ж. Делёз). Но и здесь, при внимательном рассмотрении, можно увидеть, что питательной почвой для произрастания ризомы оказывается все та же бинарность (но только по принципу ее отрицания). Кроме того, в ризоме (ризомном дискурсе) прослеживаются свои бинарные отношения и бинарная логика. Правда, они, если использовать ботаническую терминологию в духе Ж. Делёза, подобны карликовой березке, растущей в тундре и корни которой стелются по поверхности промерзлой почвы, в изобилии покрытой мхом и лишаями (та же делёзовская «грибница»-ризома. – Е. С.).

игнорирования или непонимания антиномией христианской религии.

К сказанному хотелось бы добавить, что герменевтическая проблематика, связанная с вопросами понимания и интерпретации смысла текстов, в том числе художественных, является сверхактуальной в современной культуре, в которой, как в безвоздушном пространстве, плывут разорванные антиномии и в которой, благодаря исповеданию принципов релятивизма и плюрализма, зачастую отрицаются понятия «верха» и «низа», «добра» и «зла».

Обобщая все вышеизложенное, можно сказать, что симулякры и симуляции, порожденные игрой современного сознания и являясь его новыми мифологемами, пронизывают собой все планы бытия человека (духовный, душевный, телесный) и образуют «новый мир эйдосов» (А. Великанов), мир симулякров (мнимый и виртуальный), претендующий на онтологический статус. Мир, который, в интерпретации О. Николаевой, «и есть, по сути, *геенна огненная* (Мф. 18, 9) – место, где нет Бога, где реальность и смысл, явление и сущность, означающее и означаемое разошлись навеки» [2002. С. 385].

Неотъемлемым же признаком симулякров, подчеркнем это еще раз, является наблюдаемая при их создании деструкция бинарных оппозиций, выработанных антропоцентрической культурой. Это и было показано на конкретных примерах.

В заключение попробуем извлечь из всего сказанного позитивный смысл. Во-пер-

вых, сам факт осознания широчайшего распространения симулякров в нашей жизни (а по Бодрийяру, современность вступила в эру тотальной симуляции всего и во всем) и, во-вторых, понимание того, что симулякры являют собой мнимые сущности, фантазмы нашего сознания, и они не онтологичны, предоставляет человеку возможность выйти из мира симулякров (ловушек сознания) и, вспомнив о своем Первообразе, вернуться в мир Реальности и Истины.

Список литературы

Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.

Голубева Л. Н. Теургическое беспокойство современного художника как эстетическая проблема // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2001. № 5. С. 94–103.

Кара-Мурза С. Манипуляции сознанием. Новосибирск: Изд. Дом «Историческое наследие Сибири», 2007. 176 с.

Леонтьев Д. А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107–119.

Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 348 с.

Николаева О. Православие и свобода. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. 398 с.

Флоренский П. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 346 с.

Фрейд З. Утрата реальности при неврозе и психозе // Психоаналитические этюды. Минск, 1997. 606 с.

Материал поступил в редакцию 19.09.2011

E. S. Guseva

NEW MYTHEMES OF MODERN CONSCIOUSNESS: SIMULACRA (TOWARDS THE PROBLEM OF BINARISM DESTRUCTION)

The article discusses the phenomenon of simulations and simulacra. On the basis of several examples it is demonstrated that these mythemes of human consciousness permeate various fields of human activities, such as art, science, politics, economics, etc. Viewing simulations and simulacra in the context of binarism, a basic method of creating simulacra is formulated: it is the deformation and the destruction of binary oppositions.

Keywords: simulations, simulacra, binary oppositions, deformation of oppositions, destruction of oppositions.

¹⁵ Предметным аналогом такому мышлению видится кубик Рубика зеленого цвета и монолитный (как в одном известном русском анекдоте).